

Новые переводы

VR Публикуется фрагмент суперклассического фундаментального труда *Макса Вебера* «Хозяйство и общество». Именно здесь излагаются исходные понятия веберовской экономической социологии. Отметим, что перевод с немецкого выполнен А.Ф. Филипповым – несомненно, одним из ведущих российских специалистов по изучению наследия М. Вебера. Следует обратить внимание на одну особенность представленного перевода. Следование А.Ф. Филипповым принципу максимально точного перевода с немецкого оригинала привело, в том числе, к использованию ряда терминов, весьма непривычных для читателя, ориентированного, как правило, на конвенциональные англоязычные понятия. Так, вместо широко распространенного понятия «действие» введен термин «действие»; соответственно, понятие «экономическое действие» замещено термином «хозяйствование»; а вместо привычного понятия «организация» используется более точный с точки зрения оригинала термин «союз».

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Глава II. Основные социологические категории хозяйствования¹

Перевод с нем. А.Ф. Филиппова

Научное редактирование – А.Ф. Филиппов, В.В. Радаев

Предварительное замечание. Мы отнюдь не намерены представить здесь «теорию хозяйства»; ниже будут даны лишь дефиниции нескольких часто употребляемых понятий и зафиксированы самые простые социологические отношения в сфере хозяйства. Характер определения понятий и здесь обусловлен исключительно соображениями целесообразности. Нам удалось полностью обойтись в терминологии без весьма спорного понятия «ценность». От терминологии *К. Бюхера* в соответствующих разделах (применительно к разделению труда) мы отклоняемся лишь настолько, насколько это было желательно для достижения поставленных целей. Ни о какой «динамике» речь пока не идет.

---

¹ *Источник:* Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Verstehenden Soziologie.* Fünfte, Revidierte Auflage, besorgt von J. Winckelmann. Studienausg., 19.–23. Tsd. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1985. No. 1–9. S. 1–23.

§ 1. «Хозяйственно *ориентированным*» действие² будет называться постольку, поскольку по своему предполагаемому смыслу оно ориентировано на обеспечение желаемой полезности³ [Nutzleistungen]. «Хозяйствованием» будет называться

---

² При переводе данного текста, представляющего собой фрагмент второй главы большой работы М. Вебера «Хозяйство и общество», мы основывались на тех же принципах, которые были положены в основу перевода первой главы этого труда [см.: Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. А.Ф. Филиппова // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Т. 1. С. 70–146]. К ним относится, прежде всего, стремление к аутентичности. Мы избегаем неумеренной модернизации веберовской терминологии, интерпретации понятий, коренящихся в немецких реалиях и немецкой традиции гуманитарных наук, посредством утвердившихся в нашем научном языке калек с английского, в том числе – американских переводов Вебера. Читателю важно иметь в виду, что и по сей день в немецком, как и в русском, сосуществуют «Wirtschaft» («хозяйство») и «Ökonomie» («экономика»). Мы легко обнаружим это, если попытаемся заместить «хозяйство» на «экономику» в таких сочетаниях, как «народное хозяйство» или «сельское хозяйство», и производных от них терминах. Это учитывают и переводчики. Есть книга Вебера «История хозяйства», изданная на русском языке еще в начале 1920-х гг. и совсем недавно переизданная [см.: Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001]. Есть книга знаменитого историка М.И. Ростовцева «Общество и хозяйство в Римской империи» [СПб.: Наука, 2000–2001], перевод которой сделан именно с немецкого издания. Наконец, есть достаточно продолжительная традиция интерпретации Вебера на русском языке, в которой знаменитое сочинение всегда именовалось «Хозяйство и общество». Именно поэтому мы, руководствуясь еще одним принципом перевода, стремились сохранить единство русского термина везде, где есть единство немецкого, даже если привычки языка навязывают нам порой «экономику» вместо «хозяйства». Для сравнения укажем, что к аналогичным выводам приходят украинские коллеги, столкнувшиеся с теми же трудностями. Выработывая украинскую терминологию для переводов Вебера, они используют для передачи «Wirtschaft» «господарство», а «Wirtschaften» – «господарювання».

См.: <http://www.pereklad.kiev.ua/seminars/wirtschaft.htm>.

Еще один принцип, которому мы следуем в данном переводе, состоит в производстве однокоренных терминов. Везде, где возможно, мы говорим, сообразно оригиналу, «хозяйственный», «хозяйствование» и даже «хозяйственно». Читатель может быть уверен, что, за исключением особо оговоренных случаев, за одними и теми же русскими словами стоят всегда одни и те же немецкие. Термин «действие» [das Handeln] может показаться менее удобным, чем привычное «действие». Тем не менее, стоит отметить, что он в свое время широко использовался в русских переводах Гегеля, а в применении к Веберу имеет совершенно отчетливый смысл: в отличие от однократного «акта» («действия»), «действие» означает совокупность однородных действий, действие как характеристику особого рода поведения, а не моментальное событие. Пояснения к переводам других важных терминов будут даны ниже, по мере их появления. – *Прим. перев.*

³ В русском переводе мы смягчаем веберовское «die begehrten Nutzleistungen». «Begehren» значит, собственно, не просто желать, но страстно желать, вожделеть. «Nutzleistungen» – полезные результаты каких-то действий. Этот термин перекликается с «Leistungen» – собственно результатами или продуктивными действиями, к таким результатам приводящими. Сохранение всех нюансов привело бы к еще большему отчуждению текста Вебера от современной терминологии. – *Прим. перев.*

изначально⁴ хозяйственно ориентированное *мирное* исполнение распорядительной власти⁵; «рациональным хозяйствованием» – целерационально⁶, т.е. *планомерным* образом хозяйственно ориентированное действие. «Хозяйством» будет называться автокефальное хозяйствование, «хозяйственным предприятием» – *непрерывное* хозяйствование, организованное в форме предприятия.

1. Выше (гл. I, § 1, [раздел] II, [пункт] 2) уже подчеркивалось, что само по себе хозяйствование («хозяйственное действие») совсем не обязательно является социальным действием.

2. Дефиниция хозяйствования должна быть по возможности общей и выражать то обстоятельство, что все «хозяйственные» процессы и объекты обретают свою специфику как цель, средство, препятствие, побочный результат лишь благодаря *смыслу*, который им придает человеческое действие. Только нельзя, как порой это делают, представлять хозяйствование как явление «психическое». Производство благ, их цены или даже их «субъективная оценка» – если уж они суть *реальные* процессы – не могут оставаться «психическими» явлениями. Но хотя эта формулировка и вводит в заблуждение, за ней скрывается правильный взгляд: у них есть особого рода предполагаемый *смысл*, только он и конституирует единство соответствующих процессов, только он и делает их понятными.

Дефиниция «хозяйствования», далее, должна выглядеть таким образом, чтобы охватывать и современное хозяйство, служащее извлечению прибыли. Иными словами, она должна *исходить* не из «потребительских нужд» [Konsum-Bedürdnissen] и их «удовлетворения», но, с одной стороны, из того факта, что существует жажда полезности (которая обнаруживается в неприкрытом стремлении к добыванию денег), а с другой – из того факта (который обнаруживается даже в чистом, еще совершенно примитивном хозяйстве, служащем удовлетворению нужд), что эту жажду пытаются удовлетворить именно посредством *обеспечения* соответствия спроса и предложения (каким бы примитивным и традиционно-привычным оно ни было).

3. «Хозяйственно ориентированным действием» в противоположность «хозяйствованию» будет называться всякое действие, которое: а) изначально ориентировано на другие цели, но учитывает «хозяйственное положение дел» (субъективно познаваемую необходимость хозяйственных усилий) или б) изначально ориентировано именно на него, но в качестве средства использует явное [aktuelles] *насилие*. Иначе говоря,

---

⁴ Вебер постоянно использует различие между «изначально ориентировано» и «также и соображения такие-то». Это связано с концепцией действия и социального действия. Поскольку действие идентифицируется по его субъективно значимому смыслу, а кроме того, имеет еще и объективно значимый смысл (для наблюдателя, в контексте других действий), следует всякий раз иметь в виду, что этот смысл не однозначен. У него есть, так сказать, основное содержание, то главное, ради чего совершается действие. Но есть и побочные, вторичные соображения, интересы, более широкий контекст и т.д. – *Прим. перев.*

⁵ Буквально: Verfügungsgewalt. Необходимо иметь в виду, что это не та власть [Macht], о которой Вебер говорит в «Основных социологических категориях». «Gewalt» – это не столько навязывание воли, сколько, с одной стороны, «грубая сила», а с другой – способность *править*, распоряжаться (от «walten» – «господствовать», «повелевать»). В англоязычных переводах «Verfügungsgewalt» передается как «контроль». – *Прим. перев.*

⁶ Целерациональными [zweckrational] Вебер называет действия, при которых действующий в полной мере отдает себе отчет в поставленной цели и стремится наилучшим образом выбрать средства для ее достижения. Это один из четырех основных типов действия (целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное). – *Прим. перев.*

такое всякое нехозяйственное и немирное действие, которое изначально ориентировано не хозяйственно или не мирно, однако дополнительно определено хозяйственным положением дел. Итак, «хозяйствованием» будет называться *субъективная* и *изначальная* ориентация на хозяйственный расчет. (Субъективная – потому что речь идет о вере в необходимость (хозяйственных) усилий, а не об объективной необходимости.) На «субъективный» характер понятия, на то, что *предполагаемый смысл* действия сообщает ему печать хозяйствования, справедливо делает ударение *Р. Лифман*, однако он слишком уж несправедлив, полагая, что противоположной точки зрения придерживаются все остальные авторы.

4. Хозяйственно *ориентированным* может быть любого рода действие, даже насильственное, например, военное (захватнические войны, торговые войны). Однако же не кто иной, как Франц Оппенгеймер, с полным правом противопоставил «экономические» средства «политическим». Действительно, целесообразно отделить последние от «хозяйства». Прагматика насилия весьма противоречит духу хозяйства в обычном смысле слова. Таким образом, изъятие благ посредством непосредственного явного насилия, принуждения посредством угрозы насилия *не* будет называться хозяйствованием. Разумеется, обмен представляет собой не *единственное* экономическое средство, но лишь *одно* из важнейших. И далее, хозяйственно ориентированное, формально мирное *обеспечение* средств и достижения успеха задуманного насилия (производство вооружений, военное хозяйство) точно так же является хозяйствованием, как и всякое иное действие этого рода.

Всякая рациональная политика хозяйственно ориентирована в области *средств*, и всякая политика может обслуживать хозяйственные *цели*. Точно так же (хотя теоретически это относится не ко всякому хозяйству) наш современный хозяйственный порядок в нынешних условиях нуждается в том, чтобы распорядительная власть над ресурсами была гарантирована правовым принуждением со стороны *государства*, т.е. угрозой возможного насилия для сохранения и осуществления гарантий формально «узаконенных» распорядительских прав. Но само хозяйство, находящееся, таким образом, под силовой защитой, *не* связано с применением насилия.

То, насколько бессмысленно именно применительно к *хозяйству* (какое бы определение ему ни давалось) утверждать, будто по своему понятию оно есть *лишь* «средство» – в *противоположность*, например, «государству» и т.д., – видно уже из того, что как раз государство и можно определить, *только* указав на монополию применяемых им сегодня средств, а именно насилия. Если хозяйство что-то и означает, то тогда уж, с практической точки зрения, – устойчивый выбор именно между *целями*, конечно, с *ориентацией* на ограниченные средства, которыми можно распоряжаться или которые можно раздобыть для достижения этих различных целей.

5. Не всякое рациональное по своим средствам действие должно называться «рациональным хозяйствованием» или вообще «хозяйствованием». В особенности следует избегать отождествления выражений «хозяйство» и «техника». «Техника» действия означает для нас совокупность используемых *средств* в *противоположность* тому смыслу или цели, на которые оно в конечном счете (*in concreto*) ориентировано; «рациональная» техника – использование средств, осознанно и планомерно ориентированное на опыт и размышления, а при наивысшей рациональности – на научное мышление. И потому в конечном счете техникой считается самое разное: конечный смысл некоторого *конкретного* действия в *общей* взаимосвязи действия может быть «технического» рода, т.е. он может, в смысле этой объемлющей связи, быть средством; но для конкретного действия этот (с точки зрения данной связи) технический результат является «смыслом», а применяемые для его достижения средства суть его «техника». Поэтому техника в указанном смысле содержится во всяком действии: техника молитвы, техника аскезы, техника мышления и исследования, мнмотехника, техника воспитания, техника политического или

иерократического господства, техника управления, эротическая техника, техника ведения войны, техника музыкального исполнения (например, техника виртуоза), техника скульптора или живописца, техника решения юридических вопросов и т.д., и все разновидности техники могут иметь самую различную степень рациональности. Наличие «технического вопроса» всегда означает, что есть сомнения относительно выбора наиболее рациональных *средств*. При этом критерием рациональности для техники является, наряду с прочим, также и знаменитый принцип «экономии сил»: достижение оптимального *соотношения* между результатами и необходимыми затратами средств (а не «абсолютным минимумом средств»). Конечно, и к хозяйству (как и ко всякому рациональному действию вообще) применим, по всей видимости, тот же самый принцип, но только в другом *смысле*. Пока техника в указанном смысле остается чистой «техникой», в отношении нее стоит исключительно вопрос о средствах, которые наиболее пригодны для получения *этого* результата, достижение которого совершенно необходимо и не подлежит никаким дискуссиям, и к тому же, при *равном* качестве, надежности, устойчивости результата сравнительно наиболее экономичны по вложению *сил*. Сравнительно, – поскольку вообще имеют место *сравнительные* затраты, когда различны предлагаемые способы (достижения результата). Поскольку она остается *чистой* техникой, другие потребности игнорируются. Например, вопрос, следует ли изготавливать технически необходимую деталь машины из железа или из платины – *если бы* в конкретном случае в наличии имелись достаточные количества платины, необходимые для достижения *данного* конкретного результата, технически решался бы *только* с точки зрения того, как наиболее совершенным образом может быть достигнут этот результат и какой из двух способов предполагает наименьшие прочие сопоставимые затраты (например, затраты труда). Но коль скоро принимают в расчет также различие в *редкости* железа и платины относительно общей потребности (в них), – как это привычно в наши дни для любого специалиста-«техника», даже в химической лаборатории, техника (в указанном смысле) уже является не «только технически», но и *хозяйственно* ориентированной. С точки зрения «хозяйствования» «технические» вопросы означают внимание к «*издержкам*»; вопрос этот для хозяйства всегда фундаментально важен, но применительно к *данному* кругу проблем он выступает в следующей форме: что произойдет с удовлетворением *других* потребностей (будь то качественно иные потребности по сравнению с нынешними или те же самые будущие потребности), если эти средства не будут использованы для удовлетворения данной потребности. (Сходные рассуждения см. в кн.: v. Gottl, Grundriß der Sozialökonomik, Abt. II, 2; подробно и очень хорошо оно рассмотрено в кн.: R. Liefmann, Grunds. d. Volkswirtschaftslehre, I. Band, S. 334 ff. Заблуждением является сведение всех средств «в конечном счете к трудовым затратам».)

Ведь вопрос о том, сколько, сравнительно говоря, «стоит» применение различных средств для достижения *одной* технической цели, в конечном счете тесно связан с [вопросом] о применимости этих средств (в том числе и прежде всего *рабочей* силы) для иных *целей*. «Технической» (в указанном смысле слова) является, например, следующая проблема: какого рода меры необходимо предпринять, чтобы транспортировать определенного рода грузы или добыть из шахты определенной глубины полезные ископаемые, и какие из этих альтернативных мер наиболее «целесообразно» [am zweckmäßigsten] использовать, чтобы, помимо *прочего*, также достичь конечной цели [Ziel]⁷ со *сравнительно* (относительно результата) наименьшими затратами *действительного* [aktueller] труда. «Хозяйственной» проблема становится тогда, когда возникает следующий вопрос: возможно ли (когда хозяйство основано на [*денежном*] *обращении*) *покрыть* эти издержки деньгами, сбытом товаров; или (при *плановом* хозяйстве) необходимая для этого рабочая сила *и* средства производства могут быть предоставлены без ущерба для *других*, более насущных интересов –

---

⁷ Zweck – это ближайшая цель; Ziel – так сказать, стратегическая, та, ради которой достигаются ближайшие цели. – *Прим. перев.*

в обоих случаях это проблема сопоставления *целей*. Хозяйство изначально ориентировано на выбор *цели* [Zweck] применения; техника (когда задана конечная цель [Ziel]) – на проблему выбора применяемых *средств*. В принципе, с чисто *понятийной* точки зрения (в действительности, конечно, дело обстоит иначе) вопрос *применимости* продукта технического процесса совершенно безразличен для вопроса о *технической* рациональности. В соответствии с используемой здесь терминологией техника может обслуживать и такие цели, к которым никто не стремится. Например, кто-нибудь мог бы, исключительно ради «технической» забавы, применить все самые современные средства для производства *атмосферного воздуха*. Такое начинание, с точки зрения технической рациональности, было бы совершенно безупречным, тогда как, с хозяйственной точки зрения, в любых нормальных условиях оно было бы иррациональным, поскольку не возникло бы никакого спроса на этот продукт [см. об этом: v. Gottl-Ottlilienfeld, Grundriß der Sozialökonomik, Abt. II, 2].

Экономическая⁸ ориентация технологического развития (как это называют в наши дни) на шансы извлечения прибыли является одним из основополагающих фактов истории техники. Однако *не* только эта хозяйственная ориентация, сколь бы основополагающей она ни была, указала пути развития техники, но и, отчасти, игры и мечтания далеких от мира идеологов, отчасти – интерес к потустороннему и фантастическому, отчасти же – художественная проблематика и другие внехозяйственные мотивы. Тем не менее с давних пор, а тем более теперь экономическая обусловленность технического развития играет ключевую роль; без рациональной калькуляции как основы хозяйства, т.е. без совершенно конкретных историко-хозяйственных условий, не возникла бы и техника.

В первоначальном понятии [хозяйствования] еще *отчетливо* не указано, что [для него] характерно в противоположность технике. Дело в том, что наш исходный пункт – социологический. Из «непрерывности» [соотнесения целей и средств] для социологии практически следует, что цели сопоставляются между собой и с «издержками» (коль скоро эти последние суть нечто иное, нежели отказ от одной цели в пользу другой, более насущной). Напротив, *экономическая* теория [Wirtschaftstheorie], пожалуй, *сразу же* включила бы этот признак.

б. В социологическом понятии «хозяйствования» в качестве признака должна присутствовать *распорядительная власть*, уже хотя бы потому, что, по крайней мере, современное хозяйство, служащее извлечению дохода [Erwerbstätigkeit], целиком и полностью функционирует посредством договоров обмена, т.е. планомерного приобретения распорядительной власти. (Тем самым создается принципиальная связь хозяйства с «правом».) Но и всякая иная организация хозяйства означала бы *какое-то* распределение контролирующей и распорядительной власти – только в соответствии с совершенно иными принципами, чем современное частнособственническое хозяйство [Privatwirtschaft], которое *юридически* гарантирует эту власть *отдельным* автономным и автокефальным хозяйствам. Либо *руководители* [союзов] (при социализме), либо их отдельные *члены* (при анархии) должны иметь возможность рассчитывать на то, что у них есть распорядительная власть над рабочей силой и производимыми ею полезностями: терминологически замаскировать это обстоятельство можно, но его не устранил никакая интерпретация. Чем гарантируется это распоряжение – условностями или правом⁹; или же оно внешне вообще ничем не

---

⁸ Следует обратить внимание на характерное употребление термина «экономический»: Вебер специально оговаривается, что это современный оборот. – *Прим. перев.*

⁹ «Условность» и «право» – две из четырех категорий («обычай», «обыкновение», «условность», «право»), означающих последовательное снижение шансов произвольного выбора и повышение шансов реализации порядка в индивидуальном поведении. В русских переводах социологических категорий Вебера утвердился перевод «Konvention» как «условность». В отличие от напрашивающейся кальки «конвенция», «условность» означает

гарантировано, и только в силу обычая или заинтересованности на него можно фактически (относительно) надежно рассчитывать; в *понятийном* отношении это совершенно нерелевантно, сколь бы несомненной ни была для современного хозяйства неизбежность принудительных *правовых* гарантий: если в *понятийном* отношении эта категория необходима для экономического рассмотрения социального действия, то это отнюдь не означает, что, скажем, и *правовой* порядок распорядительной власти в *понятийном* отношении тоже необходим, даже если эмпирически он и выглядит таковым.

7. Понятие «контролирующей и распорядительной власти» будет здесь также означать возможность (просто существующую или каким-либо образом гарантированную) распоряжения своей собственной *рабочей силой* (о том, что этот признак не самоочевиден, свидетельствуют примеры рабовладения).

8. *Социологическая* теория хозяйства вынуждена тут же включить в число своих категорий понятие «благ» [Güter] (мы делаем это в § 2). Ибо она имеет дело с таким «действованием», специфический *смысл* которому сообщает *результат* размышлений хозяйствующих [индивидов], который лишь теоретически может быть от них изолирован. По-другому *может* (вероятно) действовать теория хозяйства, теоретические идеи которой образуют основу социологии хозяйства. Это способно вынудить последнюю к созданию собственных конструкций [Gebilde].

§ 2. «Полезностью» [Nutzleistungen] всегда будут считаться конкретные *отдельные* (реальные или предполагаемые) шансы возможного применения в настоящем или будущем, оцениваемые как таковые одним или несколькими хозяйствующими индивидами и становящиеся предметом обеспечения. На оцениваемое значение полезностей как средств для достижения целей одного или нескольких хозяйствующих индивидов ориентируется его или их хозяйствование.

Источником полезности могут быть и не люди (т.е. вещи), и люди¹⁰. Носители любого рода возможной *вещественной* полезности, как бы они ни именовались в конкретных случаях, будут называться «благами». Обеспечиваемая людьми полезность, коль скоро она состоит в активном действии, будет называться «услугами» [Leistungen]. Однако предметом хозяйственных усилий являются также и социальные отношения, которые рассматриваются как источник возможной в настоящем или в будущем распорядительной власти над носителями полезности. Благоприятные для *хозяйства* шансы, на которые позволяют

не столько внятный договор, сколько «шанс натолкнуться на неодобрение» при отклонении от нее. См.: Вебер М. Основные социологические понятия. § 6, II, а. – *Прим. перев.*

¹⁰ Столь странная формулировка Вебера объясняется тем, что он говорит здесь о результатах действий [Leistungen], что предполагает определенного рода активность. Обратим внимание также на то, что в данном случае слово «Leistungen» обнаруживает свою коварную двусмысленность: это одновременно и «услуги» в узком терминологическом значении, и любые продуктивные действия. – *Прим. перев.*

рассчитывать обыкновение¹¹, состояние интересов или порядок (гарантированный соглашениями, условностью или правом¹²), будут называться «экономическими шансами».

См.: v. *Böhm-Bawerk*. Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der volksw. Güterlehre (Innsbruck 1881).

1. Категории вещных благ и услуг не исчерпывают собой круг тех отношений внешнего мира, которые могут быть важными для хозяйствующего человека и являться предметом его заботы. Отношение, называемое «постоянной клиентурой» [Kundentreue], или [ситуация, при которой] те, кто мог бы помешать хозяйственным мерам, терпеливо их сносят (как и многие другие способы поведения), могут иметь то же самое значение для хозяйствования и точно так же быть предметом хозяйственных усилий и, например, договоров. Но если бы мы захотели включить их в одну из этих двух категорий, наши понятия стали бы неточными. Итак, при образовании понятий мы руководствовались исключительно соображениями целесообразности.

2. Столь же неточными (как справедливо подчеркнул ф. Бём-Баверк) стали бы понятия, если бы все доступные созерцанию единицы жизни и повседневного словоупотребления без каких-либо различий назывались «благами», а затем была бы сделана попытка отождествить понятие благ с вещественной пользой. «Благо» в смысле полезности есть, строго говоря, не «лошадь» или, скажем, не «железный брус», но отдельные возможности их применения, которые *расцениваются* и *рассматриваются* как желаемые, будь то, например, тягловая сила или несущая сила, или что бы то ни было еще. В этой терминологии благами уж точно не являются шансы, функционирующие в качестве объектов хозяйственного *обращения* (при покупке, продаже и т.д.): «клиентура», «ипотека», «собственность». Но *шансы* распорядительной власти хозяйства над вещной и личной полезностью, которые обещаны или гарантированы определенным порядком (традиционным или статутарным¹³), *ради простоты* будут называться «экономическими шансами» (или просто «шансами», если иное не предполагается)¹⁴.

3. То, что лишь активное действие (не терпение, не дозволение, не воздержание¹⁵) называется «услугами» [Leistungen], связано с соображениями целесообразности. Отсюда

---

¹¹ В первой главе Вебер вводит довольно тонкое различие между «обычаем» [Brauch] и «обыкновением» [Sitte]. «Мы называем обычаем фактически существующий шанс, что определенная настроенность социального действия будет иметь характер регулярности, если этот шанс существует в определенном кругу людей исключительно в силу фактического навыка. Обычай называется обыкновением, если фактический навык основывается на длительной привычке» [Вебер М. Цит. соч. С. 105]. – Прим. перев.

¹² Различные способы создания и обеспечения гарантий порядка Вебер также рассматривает в первой главе. Сюда относятся наряду с обыкновением и обычаем соглашения, условность и право. – Прим. перев.

¹³ Статутарный – основанный на статуте, уставе. – Прим. перев.

¹⁴ В оригинале мысль Вебера более сложна и выражена при помощи неудобопереводимого синтаксиса. Речь идет о результатах действий [Leistungen], которые состоят в том, что имеются такие шансы хозяйства. *Leistungen* здесь внятно противопоставляется *Güter* (благам), которые суть *Nutzleistungen* (полезности), так что в целом терминология обретает большую внутреннюю связность. – Прим. перев.

¹⁵ Вебер отсылает читателя к дефиниции действия, которую он дает в первой главе: «“Действованием” будет ...называться человеческое поведение (все равно, внешнее или внутреннее делание, воздержание или терпение), если и поскольку действующий или

следует, однако, что «блага» и «услуги» не являются исчерпывающей классификацией *всех* экономически значимых *полезностей* [Nutzleistungen].

(О понятии труда см. § 15.)

§ 3. Хозяйственная ориентация может быть традиционной или целерациональной [zweckrational]. Даже при значительной рационализации действия роль традиционной ориентации остается относительно существенной. Рациональная ориентация, как правило, изначально определяет *руководящее* действие (см. § 15), каким бы ни было это руководство. Развитие рационального хозяйствования, начинающееся в лоне инстинктивного реактивного поиска пропитания или традиционалистского освоения унаследованной техники и привычных социальных отношений, в значительной мере было обусловлено *также и* неэкономическими событиями и деяниями за рамками повседневной рутины, а наряду с этим – и давлением нужды при абсолютном или (как правило) относительном сужении возможностей самообеспечения.

1. В *принципе* никакого «первоначального хозяйственного состояния» для науки, конечно, не существует. Можно было бы, например, условиться о том, чтобы рассматривать и анализировать в качестве такового состояние хозяйства на некотором определенном *техническом* уровне, скажем, на наиболее примитивной из известных нам стадий оснащенности *орудиями труда*. Однако у нас нет никакого права на основе наблюдений рудиментов первобытных народов и недостатка у них орудий труда делать заключение о том, что таким же образом (например, как описывают Веды или как это происходит у некоторых племен в Центральной Амазонии) хозяйствовали в прошлом все группы людей, находящиеся на той же стадии технического развития. Ибо в чисто хозяйственном отношении на этой стадии имелась возможность как более масштабной организации труда в больших группах (см. § 16), так и, напротив, сильной разобщенности малых групп. И определять это только экономическими обстоятельствами, обусловленными природной средой, невозможно. К существенным различиям могли приводить самые разные внеэкономические (например, военные) импульсы.

2. Война и миграция сами по себе, правда, не являются хозяйственными процессами (хотя уже с давних пор они были процессами по преимуществу хозяйственно ориентированными). Однако во все времена, вплоть до самых новейших, они часто вызывали радикальное изменение хозяйства. На *абсолютное* (климатически обусловленное, вызванное песчаными заносами или обезлесением) сужение области пропитания группы людей реагировали очень по-разному – в зависимости от структуры их интересов и от той роли, которую играли нехозяйственные интересы. Впрочем, типичной реакцией было падение потребления [Bedarfsdeckung] и абсолютное снижение численности населения. Аналогично, при *относительном обнищании* (обусловленном определенным стандартом обеспечения потребностей и распределением шансов извлечения *дохода* (см. § 11) они тоже реагировали очень по-разному, однако в целом чаще, чем в первом случае, – усилением рационализации хозяйства. Хотя и здесь нет оснований для обобщающих выводов. Огромный (если верить статистике) рост населения в Китае с начала XVIII в. оказал противоположное действие, чем то же самое явление в Европе в ту же эпоху (по причинам, о которых по меньшей мере можно кое-что сказать). Хроническая ограниченность средств существования в арабской пустыне лишь на некоторых стадиях приводила к изменению экономической и политической структуры, да и то сильнее всего – под влиянием внеэкономических (религиозных) тенденций.

действующие связывает с ним субъективно значимый смысл» [Вебер М. Основные социологические понятия. С. 72]. – Прим. перев.

3. Длительный сильный традиционализм в повседневном ведении жизни¹⁶ (например, рабочими слоями в начале нового времени) не помешал ни усиленной рационализации ориентированного на извлечение дохода хозяйствования капиталистическим руководством, ни фискально-социалистической рационализации общественных финансов в Египте. (Тем не менее на Западе только преодоление, по меньшей мере относительное, этой традиционалистской установки позволило двигаться *дальше*, к специфически современному, капиталистически-рациональному типу хозяйства.)

§ 4. Типичные меры *рационального* хозяйствования таковы.

1. Планомерное распределение между настоящим и будущим применением тех полезностей, которыми хозяйствующий [индивид], все равно на каких основаниях, рассчитывает распорядиться (таковы [характерные] черты сбережений).

2. Планомерное распределение полезностей по степени их предполагаемой важности между разными возможностями применения в соответствии с предельной полезностью.

Такие случаи (в особенности «статические») в мирные времена достаточно часты, однако в наши дни они по большей части выступают в форме распределения *денежных* доходов.

3. Планомерное приобретение (путем производства или доставки) таких полезностей, применительно к которым *все* средства приобретения находятся в распоряжении самого хозяйствующего [индивида]. При рациональном хозяйствовании определенное действие такого рода совершается постольку, поскольку с точки зрения искомого результата настоятельность желания (как его оценивает хозяйствующий [индивид]) *превышает* оцениваемые издержки, включая: 1) примерные усилия, которые пришлось бы затратить; 2) иные возможные способы применения подлежащих использованию благ, в том числе и то, каким в ином случае мог бы быть их конечный продукт (производство в более широком смысле, включая транспортные услуги).

4. Планомерное получение (путем обобществления¹⁷ с нынешним обладателем распорядительной власти или с конкурирующим поставщиком) гарантированной распорядительной или со-распорядительной (разделяемой с другими) власти над такими полезностями, которые α) либо сами по себе, β) либо в части средства их приобретения находятся в распоряжении других людей, либо же γ) их поставке, необходимой для собственного снабжения, угрожает конкуренция других [хозяйствующих субъектов].

Обобществление с другими нынешними обладателями распорядительной власти может происходить:

а) через образование союза, на порядок которого должны ориентироваться поставка и применение полезностей;

---

¹⁶ «Ведение жизни» [Lebensführung] – один из центральных терминов Вебера. Его использование связано с представлением о том, что человек не просто «функционирует», бездумно или невольно совершает какие-то поступки, но именно *ведет* свою жизнь, оформляет, направляет ее, придает совокупности действий некоторое осмысленное единство. – *Прим. перев.*

¹⁷ «Обобществление» [Vergesellschaftung] – это не передача собственности государству, а особого рода социальное отношение. В гл. I, § 9 «Хозяйства и общества» оно определяется так: «Социальное отношение называется “обобществлением”, если и поскольку настроенность социального действия основывается на рационально (ценностно-рационально или целерационально) мотивированном *уравнивании* интересов или на подобным же образом мотивированном *соединении* интересов» [Вебер М. Цит. соч. С. 121]. Таким образом, это место можно было бы интерпретировать так: «путем рационального, основанного на интересах взаимодействия». – *Прим. перев.*

b) через обмен.

К пункту «а»: смысл порядка союза может состоять в том, чтобы

а) рационализировать поставки, применение или расходование [полезностей] для ограничения конкуренции в сфере поставок (регулирующий союз);

б) создать единую распорядительную власть для *планомерного* управления полезностями, до того находившимися в распоряжении отдельных [лиц]. В этом случае возникает «административный союз».

Примечание к пункту «б». Обмен представляет собой компромисс интересов участвующих в обмене партнеров, благодаря которому блага или шансы передаются друг другу на реципрокной основе. Обмен может быть:

1) ориентированным на традицию или условность, т.е. быть хозяйственно не рациональным (особенно во втором случае), или

2) ориентированным на хозяйственную рациональность, как по намерениям участников, так и по результатам. Каждый рационально ориентированный обмен – это завершение компромиссом предшествующей открытой или латентной борьбы интересов. Обмен-борьба заинтересованных лиц, результатом которой является компромисс, всегда бывает направлен, с одной стороны, против потенциального покупателя, который рассматривается как партнер по обмену. Здесь идет борьба вокруг цены, ее типичное средство – торг. С другой стороны, в определенных случаях борьба бывает направлена против реальных или возможных, т.е. имеющих в настоящее время или ожидаемых в будущем потенциальных конкурентов как третьей стороны, с которой приходится соперничать за поставки. Это – конкурентная борьба, ее типичное средство – повышение или сбивание цены.

В собственном распоряжении хозяйствующего индивида полезности (блага, труд или иные носители таковых) находятся тогда, когда можно *фактически* рассчитывать на (по меньшей мере, относительно) свободное их использование, без помех со стороны третьих лиц, независимо от того, основывается ли этот шанс на правопорядке или условности, обычаях или состоянии интересов. Как раз правовые гарантии распоряжения полезностями отнюдь не являются по смыслу *понятиями* хозяйствования и даже фактически его единственным предварительным условием, хотя эмпирически такое предварительное условие необходимо хозяйствованию для обеспечения его *материальными* [sachlichen] средствами производства.

2. Неготовность для немедленного потребления может состоять в том, что годные для потребления блага еще не доставлены к месту потребления. Поэтому *транспортировка* благ (которую, конечно, надо отличать от *торговли* благами, т.е. от смены *распорядительной власти*) может здесь рассматриваться как часть «производства».

3. При отсутствии собственного распоряжения благами в принципе все равно, что именно *типичным образом* препятствует насильственному посягательству на чужую распорядительную власть: правопорядок, условность, состояние интересов, в зависимости от их структуры и от той роли, которую играют нехозяйственные интересы, утвердившийся обычай или сознательно поддерживаемые моральные стандарты.

4. Конкуренция в сфере поставок может существовать при самых разных условиях. В особенности, например, тогда, когда снабжение имеет характер захвата, будь то охота, рыболовство, рубка леса, [организация] выгонов [для скота] или корчевание. Она может существовать даже внутри относительно замкнутого по отношению к внешнему [окружению] союза. Тогда направленный против нее порядок всегда оказывается рационализированием поставок, как правило, в связи с тем, что гарантированные таким образом шансы на участие в поставках присвоены жестко ограниченным количеством индивидов или (по преимуществу) домохозяйств. Это характерно для всех земельных и рыболовных общин [Mark- und Fischereigenossenschaften], регулирования прав на корчевание, организации

выгонов и рубки леса на альмендах и марках, для «регламентации» [«Stuhlung»] выгула скота на альпийских лугах и т.д. Благодаря этому распространились все виды наследственной «собственности» на пригодные к использованию земли.

5. Обмену может подлежать все, что каким-либо образом можно «передать» в распоряжение другого и за что партнер готов дать возмещение. То есть не только «блага» и «услуги», но и всякого рода экономические шансы, например, сложившаяся в силу обыкновения и состояния интересов «клиентура», [сохранение] которой ничем не гарантировано. И уж тем более его объектом могут быть все шансы, *гарантированные* каким-либо порядком. Итак, объектами обмена являются не только существующие полезности. Предварительно «обменом» в самом широком смысле слова мы в целях данного исследования будем называть всякое основанное на формально добровольном соглашении предложение существующих, длящихся, наличествующих в настоящем или в будущем полезностей какого бы то ни было рода, взамен которых получают другие полезности. Например, возмездная передача или предоставление в распоряжение [кому-либо] полезности благ или денег при условии их возмещения благами того же рода в будущем, равно как и получение некоторого разрешения или позволения на «использование» объекта за плату, будь то наем или аренда, или сдача внаем всякого рода услуг за жалование или содержание. То обстоятельство, что в наши дни этот последний процесс, с социологической точки зрения, означает для «работника» (см. § 15) вступление в союз, основанный на господстве¹⁸, мы пока не рассматриваем, равно как и различие между временным пользованием¹⁹ и покупкой.

6. Обстоятельства обмена могут быть традиционными, а сам он в связи с этим может определяться либо условностью, либо рационально. Акты обмена, определяемые условностью, – обмен дарами между друзьями, героями, вождями, князьями (ср., скажем, обмен доспехами между Диомедом и Главком²⁰). Впрочем, уже тогда они нередко направлялись и контролировались весьма рациональными [соображениями] (см. письма из Тель-эль-Амарны²¹). Рациональный обмен возможен только в том случае, когда либо обе стороны рассчитывают получить от него выгоду, либо для одной из сторон ситуация имеет принудительный характер, обусловленный экономической властью другого или собственной нуждой. Обмен может (см. § 11) служить целям натурального снабжения или приобретения натуральной выгоды. Таким образом, он может быть ориентированным на личные нужды обменивающегося или обменивающихся сторон, либо на получение рыночной прибыли (см. § 11). В первом случае условия обмена в значительной мере определяются индивидуально, и он в *этом* смысле иррационален: например, образовавшиеся в домохозяйстве излишки оцениваются в соответствии с индивидуальной предельной полезностью для отдельного

---

¹⁸ Немецкое «Herrschaftsverband» мы ранее переводили как «союз господства». Но аналогично образованный термин «Ordnungsverband», будучи переведен как «союз порядка», был бы уже совершенно непонятным. – *Прим. перев.*

¹⁹ Буквально: *Leihe*, т.е. прокат, оплаченное пользование без права собственности. – *Прим. перев.*

²⁰ В VI песни «Илиады» герои Главк и Диомед сталкиваются на поле боя. Их отцы связаны узами гостеприимства, и чтобы не убить друг друга, они обмениваются доспехами, причем Главк отдает более ценные, позолоченные доспехи взамен медных. Этот пример добровольного неравноценного обмена рассматривает Аристотель в «Никомаховой этике» (I, 11). – *Прим. перев.*

²¹ Речь идет о знаменитом архиве, включающем несколько сотен писем на глиняных табличках, найденном в Тель-эль-Амарне (Египет), где в XIV в. до н.э. находилась столица фараона Эхнатона. В письмах фараону подвластных ему царей и вельмож много места занимают просьбы и жалобы. – *Прим. перев.*

хозяйства и могут обмениваться задешево, случайные сиюминутные желания иногда определяют весьма высокую предельную полезность благ, которые хочется получить посредством обмена. Итак, границы обмена, определяемые предельной полезностью, очень сильно колеблются. Рациональный обмен-борьба развивается лишь применительно к рыночным благам (об этом понятии см. § 8), а более всего – применительно к благам, используемым и обмениваемым в хозяйстве, ориентированном на прибыль.

7. Вмешательства регулирующего союза, упомянутые в примечании «а» к пункту «а», суть не единственно *возможные*, но именно они, будучи самым непосредственным образом порождены угрозой удовлетворению потребностей как таковому, имеют наиболее существенное значение. О регулировании сбыта см. ниже.

§ 5. Хозяйственно ориентированный союз²², в зависимости от его отношения к хозяйству, может быть:

- а) хозяйствующим союзом – если действия в рамках союза [Verbandshandeln], ориентированные на его порядок, будучи изначально не хозяйственными, включают в себя и хозяйствование;
- б) хозяйственным союзом – если действия, урегулированные порядком данного союза, *изначально* являются автокефальным хозяйствованием определенного рода;
- в) регулирующим хозяйством союзом – если и поскольку на установленный им порядок *содержательно* ориентируется автокефальное хозяйствование членов союза;
- г) союзом, устанавливающим порядок, – если этот порядок лишь *формально* нормирует автокефальное и автономное хозяйствование членов союза и гарантирует получаемые за это шансы.

Содержательное *регулирование* хозяйствования фактически ограничено рамками совместимости определенного хозяйственного поведения с жизненными интересами регулируемого хозяйства.

1. К хозяйствующим союзам относится «государство» (*за исключением* социалистического и коммунистического), а также все иные союзы (церкви, объединения и т.д.), имеющие свое финансовое хозяйство, и кроме того, например, образовательные учреждения [Erziehungsgemeinschaften] или товарищества, изначально не носящие экономического характера.

2. По смыслу этой терминологии, хозяйственными союзами являются не только обычно относимые к ним доходные (акционерные) общества, потребительские союзы, артели²³, товарищества, картели, но и вообще все хозяйственные «предприятия», включающие в себя действие многих лиц, начиная с ремесленной общины в составе двух мастеровых и кончая какой-нибудь воображаемой всемирной коммунистической организацией.

---

²² Одно из центральных понятий веберовской социологии – «союз» [Verband]. В американских переводах это слово передается то как «институт», то как «организация». Нам представляется целесообразным не просто сохранить термин, уже установившийся в отечественной литературе за тридцать лет переводов Вебера, но и более адекватно передать мысль автора. Не всякий союз является институтом или организацией. «Институт», согласно современному словоупотреблению, предполагает не столько объединение людей, сколько способ регуляции действий; «организация» предполагает скорее то, что Вебер называет «учреждением», т.е. особый род союза, «порядки которого эффективно навязаны внутри определенной области» [см.: Вебер М. Основные социологические понятия. § 15]. – Прим. перев.

²³ Вебер использует русский термин в немецкой транскрипции: Artjel. – Прим. перев.

3. Регулирующие хозяйство союзы – это, например, земельные общины, цехи, гильдии, профсоюзы, союзы работодателей, руководство которых регулирует содержание и цели хозяйствования, т.е. проводит хозяйственную политику. Таковы деревни и города Средневековья, да и в наши дни любое государство, которое проводит такую политику.

4. Примером союза, устанавливающего порядок, в чистом виде является чистое правовое государство, которое в содержательном отношении совершенно не касается деятельности отдельных домохозяйств и предприятий и только формально регулирует выполнение свободно заключенных взаимных обменных обязательств путем разрешения споров.

5. Существование хозяйственно-регулирующих союзов и союзов, устанавливающих порядок, принципиально предполагает автономию хозяйствующих субъектов (хотя и разную по объему). Иными словами, в принципе предполагается свобода распорядительной власти хозяйствующих, которая при этом ограничена в разной мере порядками, на которые ориентируется действие, а следовательно, и присвоение ими (по меньшей мере, относительное) тех экономических шансов, которыми они автономно распоряжаются. Поэтому самый чистый тип союза, поддерживающего порядок, имеет место тогда, когда все *человеческое* действие совершается автономно в содержательном отношении и ориентировано только на формальные определения порядка, причем все *вещные* носители полезности в полной мере *присвоены* таким образом, что ими, особенно благодаря обмену, можно свободно распоряжаться, что соответствует типической современной структуре собственности [Eigentumsordnung]. Любой другой способ ограничивать присвоение и автономию предполагает хозяйственное регулирование, поскольку скрывает ориентации человеческого действия.

6. Противоположность между регулированием хозяйства и простым поддержанием порядка как таковым имеет подвижный характер. Ибо, конечно же, и «формальный» порядок может (и должен) некоторым образом содержательно влиять на действие, иногда фундаментальным образом. Многочисленные современные законодательные определения, которые выдаются за чистые нормы «порядка», на самом деле скроены именно так, чтобы оказывать такое влияние ([подробно] об этом см. далее в главе о социологии права). Но, кроме того, действительно, самые строгие ограничения, касающиеся *чистых* определений порядка, возможны только в теории. Многочисленные «принудительные» формулы права, избежать которых совершенно невозможно, – в некоторой мере содержат ограничения, важные и для *содержания* хозяйствования. Как раз правовые формулы, относящиеся к «уполномочиванию», при определенных обстоятельствах (например, в корпоративном праве) весьма чувствительно ограничивают хозяйственную автономию.

7. Эффективность содержательных хозяйственных регуляций может обнаружить свои *пределы*, когда а) определенного рода хозяйствование прекращается под давлением налога на продажу [Preistaxen]²⁴ (земля возделывается только для собственных нужд) или б) когда фактически эти регуляции обходятся (спекуляция, контрабанда).

§ 6. Вещный объект обмена будет называться *средством обмена* [Tauschmittel], поскольку его принятие при обмене типичным образом *изначально* связано для принимающего с шансом на то, что постоянно, т.е. на значимый период времени, будет существовать шанс отдать этот объект взамен других благ в отвечающих его интересам пропорциях обмена, будь то любые блага (всеобщее средство обмена) или определенные блага (специфическое средство обмена). Шанс, что средство обмена будет принято пропорционально²⁵ другим

---

²⁴ Строго говоря, это наиболее удобопонятная модернизация достаточно архаичного термина, означающего любую налоговую регуляцию цен. – *Прим. перев.*

²⁵ Буквально Вебер говорит о «поддающихся оценке пропорциях» [abschätzbare Austauschverhältnis]. – *Прим. перев.*

(определенным специфическим) благам, будет называться содержательной значимостью [materiale Geltung] средства обмена относительно этих благ. Его использование само по себе назовем *формальной* значимостью [formale Geltung].

Типичный объект будет называться *средством платежа* [Zahlungsmittel] постольку, поскольку условностью или правом *гарантировано*, что применительно к определенным обязательствам (согласованным или навязанным) передача [данного объекта получателю] имеет значимость исполнения обязательства (речь идет о *формальной* значимости средства платежа, которая *может* одновременно иметь характер *формальной* значимости в качестве средства обмена).

Средства обмена или платежа будут называться *картальными*²⁶ [chartal], если они представляют собой артефакты, если обладают, благодаря приданной им *форме*, условной, юридической, согласованной или навязанной определенной *формальной* значимостью для некоторого круга лиц или на некоторой территории, а также если они *дробны* (т.е. представляют определенную номинальную сумму, которая может быть также умножена или разделена, что позволяет производить с ними чисто механические *вычисления*).

Деньгами будет называться картальное средство платежа, которое является средством обмена.

Союзом, основанным на средствах обмена, средствах платежа или на деньгах, будет называться такой союз, который способен в рамках своего порядка эффективно навязывать условную или правовую (*формальную*) значимость средств обмена, средств платежа или денег. Они будут называться внутренними деньгами или внутренними средствами обмена или платежа. Средства обмена, используемые при обмене с чужаками [Ungenossen], будут называться внешними средствами обмена.

Натуральными должны называться не являющиеся картальными средства обмена или платежа. Они подразделяются:

- а) технически: 1) в зависимости от натурального блага, которое их репрезентирует (например, украшения, одежда, инструменты и утварь); или 2) в зависимости от того, используются ли они в такой форме, что подлежат взвешиванию (весовые деньги²⁷), или нет;
- б) экономически – в зависимости от их использования: 1) изначально для целей обмена или в сословных целях (имущественный престиж); 2) изначально в качестве средства внутреннего или внешнего обмена или платежа.

Средства обмена и платежа или деньги называются знаковыми [zeichenmäßig], если они изначально не обладают (или уже не обладают) никакой собственной ценностью помимо их использования в качестве средств обмена или платежа.

Они же называются материальными [stoffmäßig], если их *содержательная* [materiale] оценка как таковая связана или *может* быть связана с оценкой возможного их использования как полезных благ.

Деньги являются:

- а) либо монетарными, т.е. монетами²⁸,

---

²⁶ В терминологии Вебер следует теории государственных денег Г.Ф. Кнаппа. См. об этом ниже в данном параграфе, пункт 7. Картальный (от лат. *charta*) значит имеющий значение лишь символа, значка, вне всякой собственной ценности. – *Прим. перев.*

²⁷ Вебер использует слово «pensatorisch», совершенно не употребительное в современном немецком и восходящее к латинскому «penso» – «взвешиваю». – *Прим. перев.*

b) либо бумажными [notal] деньгами, т.е. представляют собой документы.

Бумажные деньги обычно по форме приспособляются к монетарным единицам или по номинальной сумме исторически бывают с ними связаны.

Деньги в форме монет будут называться:

1) «свободными» или «деньгами в обращении», если монеты могут чеканиться [Geldausgabestelle] всяким обладателем денежного металла без ограничения их количества – просто согласно потребности участников обмена в совершении платежей;

2) «лимитированными» [gesperretes] или «административными деньгами» [Verwaltungsgeld], если превращение в картальную форму²⁹ происходит в соответствии с произвольными решениями *руководства союза*, изначально ориентированного на фискальные нужды;

3) «регулируемыми деньгами» [reguliertes Geld], если чеканка монет лимитирована, а характер и объемы их выпуска эффективно регулируются нормами.

Документ, функционирующий в качестве бумажных денег, будет называться *средством обращения*, если его принимают в качестве временных денег, ориентируясь на гарантированный во всех нормальных условиях шанс в любой момент перевести этот документ в «окончательные деньги»: монеты или определенные по весу количества денежного металла. Такой документ будет называться *сертификатом*, если существующими регуляциями определяется, какие резервы гарантируют *полное* покрытие всей суммы монетами или слитками.

Шкалами средств обмена или платежа будет называться навязываемая условностью или правом в каком-либо союзе тарификация [пропорций обмена] отдельных натуральных средств обмена и платежа.

Валютой [Kurantgeld] будут называться те виды денег, которые в денежном союзе получают неограниченное использование в качестве платежного средства; *денежным материалом* – материал для изготовления денег; *денежным металлом* – то же самое, но применительно к деньгам в обращении.

Международным средством платежа будет называться такое средство платежа, которое служит для конечного выравнивания платежных балансов между различными денежными союзами в условиях, когда платежи пролонгируются.

Всякий вновь созданный порядок в денежной системе [Geldwesen] того или иного союза неизбежным образом фиксирует основополагающий факт: определенные средства платежа используются для погашения долгов. И тогда оказывается, что для этого порядка вполне достаточно либо легализовать их в качестве средств платежа, либо навязать новые средства платежа. В последнем случае необходимо пересчитать прежние натуральные, весовые или картальные денежные единицы в новые единицы (в этом состоит принцип так называемой «исторической дефиниции» денег как *средства платежа*, причем здесь совершенно неважно, какое действие эта дефиниция, в свою очередь, оказывает на пропорции обмена между деньгами как *средствами обмена* и благами).

Следует подчеркнуть, что мы не намерены разрабатывать здесь теорию денег. Мы только хотим по возможности в наиболее простых терминах зафиксировать те формулировки, которые далее будут довольно часто использоваться. Прежде всего речь пойдет об определенных совершенно элементарных *социологических* следствиях использования денег.

---

²⁸ Вебер использует как международный термин «monetär» («монетарный»), так и собственно немецкое слово «Münze» («монета»). – *Прим. перев.*

²⁹ Чеканка, – поясняют издатели американского перевода. – *Прим. перев.*

(Наиболее приемлемой содержательной теорией денег я считаю концепцию *Л. Мизеса*. «Государственная теория [денег]» Г.Ф. Кнаппа – наиболее впечатляющая работа в рамках данной дисциплины – блестяще справляется с *формальной* задачей, однако для решения содержательных проблем [теории] денег она оказывается неполной (см. об этом ниже). Ее весьма полезную казуистику *здесь* мы еще не затрагиваем.)

1. Средства обмена и средства платежа исторически очень часто, хотя и далеко не всегда, совпадают. Такого совпадения, в частности, нет на первобытных ступенях [истории]. Средства платежа для приданого, податей, обязательных даров, искупительных приношений, вергельда³⁰ часто определяются однозначно условностью или правом вне связи со средствами обмена, имеющими фактическое хождение. Только если весь бюджет союза основан на *денежном* хозяйстве, верно утверждение Мизеса³¹ о том, что и государству средства платежа нужны только как средства обмена. Но это не имеет силы для тех случаев, когда владение определенными средствами платежа было прежде всего сословным признаком³². Когда государство начинает *устанавливать* денежные сборы [Geldsatzungen], средство платежа становится категорией права, а средство обмена – экономической категорией.

2. Грань между средством обмена и «товаром», который покупают *лишь* потому, что в расчет принимаются будущие шансы сбыть его с рук, кажется весьма расплывчатой. Однако на самом деле функция средств обмена некоторыми объектами монополизируется столь сильно (причем в условиях, во всем прочем вполне первобытных), что этот их статус не подвергается сомнению. («Фьючерсы по пшенице» [Terminweizen], в соответствии с предполагаемым смыслом [данного контракта], еще должны найти своего *окончательного* покупателя, т.е. не являются ни «средством платежа», ни «средством обмена», и уж тем более – «деньгами»).

3. Пока нет картальных денег, характер средства обмена определяется прежде всего нравами, состоянием интересов и всякого рода условностями, на которые ориентируются партнеры по обмену при заключении соглашений. Причины, по которым средствами обмена изначально стали [именно эти объекты], весьма разнообразны. Среди таких причин важную роль играет то, в какого вида обмене они главным образом использовались. Вникать в рассмотрение этих причин более подробно здесь не следует. Не каждое средство обмена было универсально применимым к любому обмену (в том числе и в кругу использующих его лиц). Например,

---

³⁰ Вергельд – вира, выкуп семье убитого, который выплачивает убийца. – *Прим. перев.*

³¹ *Mises L., von. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. München, 1912.*

³² Вебер придает немецкому «Stand» («сословие») значение, далеко выходящее за рамки исторического представления о сословиях. Отзвуки такого понимания можно найти и в русском языке: мы говорим «сословие бюрократов» или «ученое сословие». В американских переводах Вебера социологи решили избежать однозначных исторических коннотаций, какие имеет английское «estate». Для немецкого «Stand», происходящего от «stehen» («стоять») избрали точный латинский аналог: «status» (от лат. «sto» – «стою»), слово, хорошо прижившееся не только в английском, но и в русском языках. Так у нас появились «статусные группы» [status groups]. С одной стороны, это позволяет сохранять единство терминологии. С другой стороны, сильно искажает мысль Вебера, когда речь идет, как в данном случае, не просто о статусе, но об *исторически* определенном положении специфическим образом выделяемых групп людей, применительно к которому любой историк и социолог должны говорить именно о сословии. – *Прим. перев.*

См.: Schurtz H. Grundriß einer Entstehungsgeschichte des Geldes, 1898.

раковины хотя и использовались в качестве «денег», не принимались как средство обмена при покупке женщин и скота³³.

4. Также и «средства платежа», которые *не* были обычными «средствами обмена», сыграли значительную роль в обретении деньгами их особого статуса. Тот «факт», что существовали «долги» (Г.Ф. Кнапп) [по выплате] дани, приданого, выкупа за невесту, долги в отношении положенных даров правителям или, напротив, со стороны правителей другим правителям³⁴, долги по вергельду и др., а также [то обстоятельство], что часто, хотя и не всегда, выплаты по этим долгам должны были производиться особыми категориями благ (в силу условности или правового принуждения), сообщал такого рода благам их особый статус. Нередко ими становились специфическим образом оформленные артефакты.

5. «Деньгами» (по смыслу нашей терминологии) могли бы быть и «кусочки в одну пятаую шекеля» со штемпелем (торгового) дома, о которых говорится в вавилонских источниках³⁵, но, конечно, при условии, что они были средствами обмена. Напротив, слитки, использовавшиеся только в качестве «разновесов» и не разделенные на куски, будут здесь называться не «деньгами», но только весовым средством обмена и платежа, при том, что *возможность взвешивать* [объекты] была чрезвычайно важна для развития «возможности исчислять»³⁶. Конечно, широко встречаются переходные формы, например, когда монеты принимают только по весу, а не по номиналу и т.д.

6. Термин «картальный» ввел Кнапп в своей «Государственной теории денег». По Кнаппу, картальными являются все виды и все сорта проштемпелеванных и разделенных на кусочки денег, будь то металлических или не металлических, хождение³⁷ которых предусмотрено правовой регуляцией или соглашением. Не ясно, почему именно *государство* должно объявлять о хождении денег, почему для их обращения недостаточно условности или основанного на соглашении принуждения. Разумеется, точно так же и эмиссия не обязательно должна находиться в ведении или под контролем политической власти (в Китае

---

³³ В «Истории хозяйства» Вебер формулирует это несколько иначе: «Например, нигде и никогда нельзя было купить жену в обмен на раковины, но всегда только в обмен на скот, между тем как при мелких оборотах брались и раковины, потому что они представляли более дробные единицы» [Вебер М. История хозяйства. Город. Цит. соч. С. 223]. – *Прим. перев.*

³⁴ В «Истории хозяйства» это разъясняется более подробно: «Состояние мира между двумя державами предполагает регулярные взаимные подарки со стороны их правителей; это обмен между вождями, похожий на торговлю, а из него развивается торговля вождей. Когда подарки прекращаются, это означает войну» [Вебер М. История хозяйства. Цит. соч. С. 224–225]. – *Прим. перев.*

³⁵ См. разъяснение в «Истории хозяйства»: «...“Шекель” – это не что иное, как кусок серебра, снабженный штемпелем определенной семьи купцов, известной своей добросовестностью при взвешивании...» [Вебер М. История хозяйства. Цит. соч. С. 228]. – *Прим. перев.*

³⁶ В данном контексте «Rechenhaftigkeit» («исчислимость», «возможность исчислять») тождественна более привычной читателям Вебера «калькулируемости» [Kalkulierbarkeit]. – *Прим. перев.*

³⁷ В оригинале: *Geltung*, т.е. *значимость*. Этот термин применяется в философской аксиологии к ценностям, в правовой науке – к нормам («действие» нормы). Отсюда ниже следует утверждение о том, что все дело – в некоторой нормативной обусловленности. В пункте 7 Вебер упоминает о *содержательной значимости* [materiale Geltung] денег в противоположность их формальной значимости, т.е. хождению. – *Прим. перев.*

этого вообще не было, в средневековой Европе существовало только в ограниченном объеме), раз уж только *нормы* имеют решающее значение (как об этом говорит и Кнапп). Хождение денег в качестве платежного средства и *формальное* использование их в качестве средства обмена *в границах* юрисдикции определенного политического союза могут быть навязаны правопорядком (см. также далее).

7. Натуральные средства обмена и платежа изначально суть и то, и другое: иногда они больше используются для внутренних, иногда – для внешних обменов и платежей. Здесь не стоит вопрос [юридической] казуистики. А равным образом *еще* не стоит и вопрос содержательной значимости денег.

8. Точно так же здесь речь пока не идет и ни о какой *содержательной* теории денег применительно к ценам (если такая теория *вообще* имеет отношение к *социологии* хозяйства). Прежде всего, здесь достаточно констатировать сам факт использования денег (в его важнейших формах) и исследовать далее общие социологические *последствия* этого факта, который сам по себе, с экономической точки зрения, выглядит формально. Сначала следует установить лишь то, что «деньги» *никогда* не будут и не могут быть просто безобидными «карточками» [Anweisung] или *только* номинальной расчетной единицей, покуда они суть именно *деньги*. Особенно явно в наши дни (как, впрочем, и во все прошлые времена) отношение к деньгам как ценности (очень сложное и запутанное) *непрерывно* связано *также* и с их редкостью (или, в условиях «инфляции», с их излишком).

Социалистические «талоны» на получение определенных благ, например, выдаваемые на основании определенных объемов выполненной [получателем] работы (которая признается «полезной» для общества), могли бы стать объектом тезаврирования или обмена, но при этом подчинялись бы правилам *натурального* обмена (возможно, непрямого).

9. Отношение между монетарным и немонетарным использованием технического *материала* денег лучше всего прослеживается по истории денег в Китае, имевшей далеко идущие экономические последствия. В условиях использования медных денег, при высоких затратах на их производство и сильных колебаниях в расходе металла эта ситуация была особенно очевидной.

§ 7. Главные последствия *типического* использования денег таковы.

1. Так называемый «непрямой обмен» как средство удовлетворения потребительских нужд, т.е. возможность *разделить* между собой: а) по месту, б) по времени, с) по участникам и d) (что тоже очень существенно) по объемам, – блага, предназначенные для обмена, и блага, которые желают получить в его результате. Тем самым достигается исключительное расширение имеющихся в каждый данный момент возможности обмена.

2. С этим связан расчет в денежных суммах *отложенных обязательств* [Leistungen], в особенности исполнения встречных обязательств [Gegenleistungen] при обмене (долги).

3. Так называемые «сокровища», т.е. тезаврирование денег *in natura* или же [в форме] денежных требований, которые можно предъявить в любой момент, – как средство гарантировать в будущем распорядительную власть над *шансами* обмена.

4. Все большее превращение экономических шансов в шансы распоряжаться денежными суммами.

5. Качественная индивидуализация, а тем самым, косвенно, и более полное удовлетворение потребностей тех, кто распоряжается деньгами, денежными требованиями или шансами получения денег, т.е. может предложить деньги за *любые* блага и услуги.

6. Типичным образом в наши дни поставка полезностей ориентирована на предельную полезность тех *денежных* сумм, которыми, как предполагает руководитель некоторого хозяйства, он сможет распоряжаться в обозримом будущем.

7. Тем самым, приобретения ориентированы на шансы, предоставляемые всеми теми возможностями обмена, которые преумножены благодаря [вышеупомянутому разделению] по месту, времени, участникам и объектам [обмена] (см. пункт 1). Принципиально это происходит на основании наиболее важного момента, а именно:

8. Возможности *оценить* в деньгах все предлагаемые для обмена или получаемые взамен блага и услуги в деньгах, т.е. *денежного исчисления*.

Содержательно (в отличие от формального значения) денежное исчисление прежде всего означает, что блага оцениваются не только по той полезности, которую они имеют в данное время в данном месте для данных участников. [Дело еще и в том,] что при их использовании (здесь поначалу все равно, являются ли эти блага предметами потребления или средствами производства) во внимание принимаются также все будущие шансы их применения и оценки³⁸, в том числе для своих целей неограниченно большим количеством третьих лиц, но лишь при условии, что они находят выражение в *доступном* обладателю распорядительной власти шансе обмена [денег на блага]. Форма, в которой это происходит при типичном денежном исчислении, называется *рыночной ситуацией* [Marktlage].

В том, что говорилось до сих пор, находят свое отражение лишь самые простые и хорошо известные всем элементы, которые необходимы для всякого рассуждения о деньгах и потому не нуждаются в специальных комментариях. О социологии «рынка» здесь пока речь не идет (о формальных понятиях [такой социологии] см.: § 8, 10).

«Кредитом» в самом общем смысле слова будет называться всякий обмен имеющейся в настоящее время распорядительной власти над вещными благами любого рода на обещание передать такую власть в будущем. Предоставление кредита прежде всего означает ориентацию на определенный шанс, а именно на шанс, что такая передача в будущем действительно состоится. Кредит в этом изначальном смысле означает обмен отсутствующей в настоящее время, но ожидаемой в будущем в избытке распорядительной власти хозяйства над вещными благами или деньгами на имеющуюся сейчас в наличии, но не предназначенную для собственного использования распорядительную власть другого хозяйства. (При условии рациональности действия) оба хозяйства ожидают улучшения своих шансов (какого бы то ни было рода), по сравнению с тем распределением [шансов], какое существует сейчас, до обмена.

§ 8. *Положением на рынке* того или иного объекта обмена будет называться совокупность шансов, *распознаваемых* потенциальными участниками обмена³⁹ и способствующих их ориентации в ценовой и конкурентной борьбе, выменять его на деньги или выменять на него деньги.

Рыночное хождение [Marktgängigkeit] – то, насколько регулярно объект становится рыночным объектом обмена.

Свобода рынка – степень автономии отдельных потенциальных участников в ценовой и конкурентной борьбе.

Регулирование рынка – напротив, такое состояние, при котором порядками [союза] *содержательно* ограничены рыночное хождение (для возможных объектов обмена) или же свобода рынка (для возможных потенциальных участников обмена). Рыночные регуляции могут быть обусловлены:

1) традицией – привычкой к издавна существовавшим ограничениям или условиям обмена;

---

³⁸ В оригинале – игра слов: «Verwertung und Bewertung». – *Прим. перев.*

³⁹ Буквально: Tauschreflektant, т.е. (потенциально) приобретающая сторона в обмене. – *Прим. перев.*

2) условностью, социальным неодобрением рыночного хождения определенных полезностей или свободной ценовой и конкурентной борьбой применительно к определенным объектам обмена или определенному кругу лиц;

3) правом, действенным правовым ограничением обмена или свободы ценовой и конкурентной борьбы – для всех или для определенного круга лиц и определенных объектов обмена; это следует понимать как влияние на положение на рынке объектов обмена (регулирование цен), а также как ограничение [прав] владения или получения дохода или обмена распорядительной власти над благами определенным кругом лиц (юридически гарантированные монополии или юридические границы свободы хозяйствования);

4) волюнтаристически, т.е. в силу состояния интересов – содержательное регулирование рынка при формальной рыночной свободе. Тенденция к такому регулированию рынка возникает тогда, когда определенные заинтересованные участники обмена в силу того, что они фактически полностью или почти исключительно [сосредоточили у себя] шансы на обладание исполнительной властью над определенными полезностями или приобретение такой власти (монопольное положение), оказываются в состоянии влиять на положение на рынке, фактически исключая рыночную свободу для остальных участников. В частности, для этой цели они способны заключать между собой или одновременно с типичными партнерами по обмену *соглашения о регулировании рынка* (соглашения о квотах и ценовые картели).

1. О положении на рынке целесообразно (хотя и не обязательно) говорить только в условиях денежного обмена, потому что только тогда становится возможным единое *числовое* выражение отношений. Шансы обмена благ в натуральной форме лучше и называть «шансами обмена». Даже при развитом денежном обмене отдельные виды объектов обмена имели и имеют рыночное хождение в самой разной степени (подробнее об этом мы здесь говорить не будем). Наибольшее хождение имеют предметы массового производства и потребления; наименьшее – случайно востребуемые уникальные объекты. Предметы потребления длительного пользования, которые могут использоваться в течение продолжительного периода времени, а также средства производства с долгосрочным или неопределенным периодом применения, и прежде всего – участки земли, пригодные для сельского или только лесного хозяйства [имеют рыночное хождение] в гораздо меньших масштабах, чем готовые продукты повседневного пользования или же средства производства, которые или быстро расходуются, или годятся лишь для однократного использования, или же обеспечивают быстрый возврат средств.

2. В экономическом отношении рациональный смысл *регуляции* рынка исторически возрастал вместе с ростом формальной рыночной свободы и универсальности рыночного хождения. Обусловленность *изначальной* регуляции рынка была отчасти традиционной и магической, отчасти родовой, отчасти военной, отчасти социально-политической, наконец, отчасти была связана с потребностями властителей. Однако здесь, во всяком случае, господствовали интересы, не связанные, а часто и вступавшие в противоречие с тенденцией заинтересованных лиц на рынке максимизировать сугубо целерациональные *рыночные* шансы на получение дохода или благ. Эти регуляции исключали из рыночного хождения определенные объекты: 1) либо надолго, как магические (например, табу), родовые (например, наследственное имущество), сословные (например, феодальный лен) границы, либо на время, как, например, политика запрета повышения цен, скажем, на зерно в условиях голода. В других случаях продажа здесь была связана с предварительным предложением товара (родственникам, членам того же сословия, гильдии и цеха, согражданам), либо с установлением максимально возможных цен (регулирование цен во время войны), либо же, наоборот, с установлением минимально допустимых цен (например, минимальные гонорары при оказании услуг в рамках одного сословия – магам, адвокатам, врачам, – ниже которых они не могли опускаться). Эти регуляции: 2) исключали определенные категории лиц (дворянство, крестьянство, а при определенных условиях и ремесленников) из рыночной торговли вообще или торговли определенными объектами. Или: 3) посредством регуляции

потребления ограничивалась рыночная свобода потребителей (сословные ограничения потребления [Verbrauchsordnungen], рационирование, связанное с военной экономикой или периодами голода). Или: 4) ограничивалась рыночная свобода конкурирующих между собой лиц, ориентированных на извлечение дохода [Erwerbenden] в интересах определенных групп (профессий или цехов⁴⁰). Или: 5) за политической властью (княжеская монополия) или за теми, кому она давала концессии (что типично для монополистов эпохи раннего капитализма), было зарезервировано использование определенных экономических шансов.

Из этих категорий регуляции рынка пятая была более всего рыночно-рациональной, т.е. способствующей тому, чтобы хозяйствование отдельных слоев, заинтересованных в рыночной купле и продаже благ, было ориентировано на положение на рынке, а первая – менее всего рыночно-рациональной. Что же касается других названных категорий, то они, в порядке убывания, препятствовали такой ориентации. Применительно ко всем этим регуляциям рынка наиболее *заинтересованными в свободе рынка* становились те потенциальные участники обмена, для которых было важным как можно более широкое рыночное хождение благ, независимо от того, заинтересованы ли они в их потреблении или в сбыте. *Волонтаристическое* регулирование рынка прежде всего и наиболее устойчиво обслуживали интересы извлечения *дохода*. Оно могло служить удовлетворению монополистических интересов, охватывая: 1) только шансы покупки и продажи (широко распространенные монополии торговцев); 2) шансы использования транспорта (судоходные и железнодорожные монополии), а также 3) производство благ (монополии производителей) и 4) предоставление кредита и финансирование (банковские монополии на условия кредитования). Из названных две последние [группы монополий] в наибольшей мере означали возрастание институционального [verbandsmäßiger] регулирования хозяйства. Однако, в противоположность изначальному, иррациональному регулированию, оно скорее планомерно ориентировано на положение на рынке. Волонтаристическое регулирование рынка, естественно, шло от тех заинтересованных лиц, обладавших фактической и весьма значительной распорядительной властью над средствами доставки, что позволяло им монопольно пользоваться формальной свободой рынка. Волонтаристические организации [Verbände] заинтересованных потребителей (потребительские союзы, закупочные товарищества), напротив, регулярно представляли тех, кто находится в слабой экономической позиции. Они были способны обеспечить своим членам сокращение издержек, но лишь в отдельных случаях и лишь локально ограниченным образом могли добиться эффективного регулирования рынка.

§ 9. *Формальной* рациональностью хозяйствования здесь будет называться мера технически возможного и действительно применяемого в хозяйствовании *расчета*⁴¹. *Содержательной* рациональностью, напротив, должна называться та степень, в которой обеспечение благами конкретных (каким бы то ни было образом ограниченных) *групп* людей производится

---

⁴⁰ Вебер имеет в виду следующее: «Цех воспитывал в своих членах “буржуазные” добродетели и в известном смысле ...являлся носителем “буржуазного” рационализма. Однако лишь в смысле “продовольственной политики” и в духе *традиционализма* со всеми вытекающими отсюда последствиями, в тех пределах, в которых действовало осуществляемое цехом регулирование хозяйственной жизни» [Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. М.И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. С. 291]. – *Прим. перев.*

⁴¹ Мы привыкли связывать веберовское понятие рациональности с калькуляцией. Но у Вебера есть два понятия: «Rechnung» – «счет», «расчет», и «Kalkulation» – «калькуляция». Даже если не искать между ними глубоких различий, удачная возможность точно воспроизвести в русском переводе оба термина позволяет читателю самостоятельно судить о терминологическом выборе автора. – *Прим. перев.*

посредством некоторого хозяйственно ориентированного социального действия с точки зрения (*любого рода*) постулатов оценки, которые применяются, применялись или могли бы применяться к такому обеспечению, независимо от характера этих постулатов. Эти постулаты в высшей степени многозначны.

1. Предлагаемая нами терминология должна послужить исключительно целям большей однозначности при использовании в этой проблемной области обиходного слова «рациональный». Она, впрочем, представляет собой лишь уточнение того, что всякий раз снова возвращается как проблема в рассуждениях о национализации [Sozialisierung]⁴², «денежных» и «натуральных» расчетах.

2. *Формально* «рациональным» хозяйствование будет называться в той степени, в какой свойственная всякому рациональному хозяйству «предусмотрительность» может быть выражена и действительно выражается в вычислениях и расчетах (причем сначала – совершенно независимо от того, как технически выглядят эти расчеты, т.е. выражены ли они в денежной или натуральной форме). Таким образом, это понятие *однозначно*, по меньшей мере в том смысле, что денежная форма представляет собой максимум этой *формальной* исчисляемости. Хотя однозначность здесь, конечно, тоже относительна, *ceteris paribus*⁴³.

3. Напротив, понятие *содержательной* рациональности в высшей степени многозначно. Общим для разных его значений является только одно: формальный (относительно) однозначно устанавливаемый факт целерациональных *расчетов*, пусть даже производимых весьма адекватными техническими средствами, оказывается *недостаточным*, поэтому по отношению к хозяйству применяются этические, политические, утилитарные, гедонистические, сословные, эгалитарные или какие-либо иные *критерии*, и с ними *ценностно-рационально* или *содержательно* целерационально соизмеряют результаты хозяйствования (сколь бы «рациональны» они ни были с формальной точки зрения, т.е. с точки зрения расчета). Возможных ценностных критериев такого типа рациональности бесконечно много, и одну группу в этом множестве составляют социалистические и коммунистические ценностные критерии. Последние сами по себе неоднозначны (в некоторой степени это можно сказать обо всех этических и эгалитарных ценностных критериях) и всегда содержат в себе элементы социальной справедливости и равенства. (Сословная иерархия, услуги политической власти, особенно для актуальных военных целей, а также все иные мыслимые точки зрения в этом смысле одинаково «содержательны».) В отличие от этой содержательной критики хозяйственного *результата*, *самостоятельное* значение (на что, пожалуй, следует обратить внимание) может иметь этическая, аскетическая, эстетическая критика хозяйственного *образа мыслей* и хозяйственных *средств*. Для всякой такой критики «чисто формальный» результат денежного расчета может показаться второстепенным или даже враждебным ее постулатам (не говоря уже о последствиях специфического современного способа ведения расчетов). Здесь невозможно решение, возможны только констатация и фиксация того, что должно называться «формальным». Само понятие «содержательный» здесь тоже «*формальное*», т.е. в данном случае это абстрактное *родовое* понятие.

---

⁴² Вероятно, под «социализацией» [Sozialisierung] здесь понимается обобществление в смысле перехода собственности в общественное владение. – *Прим. перев.*

⁴³ При прочих равных (*лат.*). – *Прим. перев.*